

*...Как чудно то, что на земле
Есть место, что мне всех милее,
Где так прекрасно в тишине
Грустят сегежские аллеи.*

Благословенна карельская земля с «голубыми глазами озер» и неповторимыми в своей красе белыми ночами, с несметными лесными богатствами и интересной историей. Земля, на которую всем сердцем стремишься вновь, побывав здесь лишь однажды. И в самом её центре, географически, – наша Сегежа.

Городом рабочий поселок Сегежа стал 70 лет назад – 26 декабря 1943 г. Он стал стратегической точкой на карте страны благодаря, в первую очередь, предприятиям лесного

комплекса – целлюлозно-бумажному и лесопильно-деревообрабатывающему комбинатам. Именно в Сегеже выпускаются бумага, мешки, пиломатериалы, высочайшее качество которых признано во всем мире. И это результат многолетней работы наших земляков, трудолюбивых, умелых и настойчивых.

А еще Сегежа – город инициативных людей, поддерживающих всё новое и перспективное. Участвуя в федеральных программах по сносу аварийного и ветхого жилья и капитального ремонта, мы строим новые дома и даем «вторую» жизнь старым. А различные проекты, например, по энергосбережению, здоровому образу жизни, работе с мигрантами, в которых наш город выступает в качестве пилотной территории, успешно реализуются совмест-

еник на Выге

но, в том числе, и с зарубежными партнерами. Общественно-политическая жизнь города не менее активна, чем деловая. В Сегеже работает более сорока общественных организаций, клубов, фондов, ассоциаций различной направленности, в том числе женские, ветеранские, молодежные.

В преддверии 70-летия присвоения статуса города Сегежа живет, работает, преодолевает трудности и верит в добрые перемены. Сегежане успешно развивают малый и средний бизнес. Творческие от природы люди, они подарили стране «бумажную» моду, ставшую настоящим брендом города, они поют и танцуют в коллективах, которые носят звания народных, добиваются успехов в спорте, растят и воспитывают новые поколения патриотов ка-

рельской земли. Мы живем с верой в сердце и надеждой на собственные силы. А упорства в достижении цели моим землякам не занимать!

...В Сегежу опять придет сказочной красоты зима, её сменят неторопливая весна, благодатное лето, багряно-золотая осень, но неизменным во все времена года останется характер города-труженика на реке Выг с его неповторимой и, надеемся, счастливой судьбой.

С уважением к вам,

Анатолий ЛОТОШ,
глава Сегежского городского поселения

Игорь ВЕКСЛЕР, глава администрации
Сегежского муниципального района

Сегежа.
1937 г. — Кинотеатр

Сегежский район —

Сегежский район – бывшая старинная Выгозерская волость – примечательная территория, которую упоминали важные карельские и российские исторические источники. Территория, занимающая значительную часть Выгозерского края, до сих пор остается одной из самых малоизученных. Известно, что до XII–XIII веков основным населением здесь были саамы. На территории современного Сегежского района выявлены следы стоянок каменного века. В настоящее время известно около 30 археологических памятников – поселений древнего человека, представляющих периоды истории древней Карелии от каменного века до раннего металла.

В начале второго тысячелетия из земель северо-западного Приладожья сюда приходят карелы, а немного позднее с юга, с новгородских земель – русские переселенцы.

Выгозерский погост как северная оконечность обширной административной области Новгородской республики был зафиксирован еще в XIII веке. После 1478 г., когда Новгород лишился своей независимости, Выгозерский край стал «государственной землей», частью Новгородского уезда державы великого князя Московского Василия III Ивановича. В

конце XVI века в связи с борьбой с постоянно вторгавшимися на север Карелии шведскими отрядами часть Выгозерского погоста вывели из состава Новгородского уезда и передали как особый административный округ Соловецкому монастырю.

Образовавшаяся Выгозерская волость, включающая в себя земли вокруг Выгозера и по Верхнему Выгу, явилась «предшественницей» Сегежского района. В XVII веке земли вокруг Выгозера снова стали «государевыми», край административно относился к Олонецкому уезду. XVIII век – Петровско-Ямская волость Повенецкого уезда с тремя крестьянскими обществами: Масельским, Выгозерским и Койкиницким. Из списков населенных мест Олонецкой губернии по сведениям на 1905 год – «деревня Сегежа относится к Богоявленской волости Сондальского общества, располагается в 172 км от уездного города Повенца...».

В 1702 г. по краю пролегла знаменитая Осударева дорога Петра I, сыгравшая свою роль в отвоевывании исконно русских земель и выходе России на Балтику. Место понтонной переправы через реку Выг, а затем остановка для ночлега петровского войска на берегу выговского залива получило название Петровский Ям. Неподалеку от исторической

*Сегежа.
50-е годы XX века*

ОТ ДРЕВНОСТИ ДО НАШИХ ДНЕЙ

стоянки Петра I в 1870-х годах было основано поселение, также называвшееся Петровский Ям. В конце XIX века здесь была поставлена часовня во имя св. апостола Петра. Волость также стала называться Петровско-Ямской. В период строительства ББК место петровской стоянки ушло под воду. Деревня с церковью на сегодняшний день не сохранились... Но на отдельных участках территории Сегежского района исследователями обнаружены сохранившиеся следы Осударевой дороги.

Украшением района является одно из красивейших озер Карелии – Выгозеро. В озеро впадало 25 рек, и лишь одна – Нижний Выг – брала здесь исток.

На территории района находится знаменитый, воспетый Михаилом Пришвиным Воицкий падун – природный равнинный водопад. Свое название он получил из-за шума, который разносился на много верст вокруг. Создавалось ощущение, будто водопад воет. До строительства Беломорско-Балтийского канала Воицкий падун был значительно мощнее. Но и «урезанный» каналом он сегодня привлекает удивительной красотой жителей района и туристов из разных регионов. С Воицким падуном связаны народные легенды.

Выгозерский край – творческая родина Михаила

Пришвина. Писатель неоднократно бывал в Выговском крае (1906, 1933 гг.) и оставил документальное этнографическое свидетельство о жизни еще сохранившегося почти в первозданном виде к началу XX века Выгозерья, живые и яркие образы выгозеров. Его путевые очерки «В краю непуганых птиц» – наиболее полная энциклопедия выгозерского быта, которая позволяет до сих пор зримо и ярко представить особенности края.

На территории Сегежского района недалеко от деревни Надвоицы располагался Воицкий медный рудник, одно из старейших промышленных месторождений на Северо-Западе России в XVIII веке. Его разработка началась в 1742 г. и продолжалась до конца XVIII века. Здесь добывалось первое промышленное золото для российской казны. А первое упоминание о деревне Надвоицы датируется 1647 годом. Уже тогда деревня насчитывала 20 крестьянских дворов, церковь и один поповский двор.

Впечатления от поездок по Выговскому краю оставили известные российские естествоиспытатели, путешественники и просветители. Здесь побывали Эрик Густавович Лаксман (1737–1796) – русский естествоиспытатель и путешественник, академик Петербургской академии наук; Михаил

Сеgezжа.
Наши дни

Федорович Соймонов (1730–1804) – один из крупных деятелей русского образования и горной промышленности в России, действительный тайный советник, государственный деятель, сенатор; Жильбер Ромм (1750–1795) – гувернер графа П.А.Строганова, математик, скульптор, деятель Великой французской революции, якобинец; Павел Александрович Строганов (1772–1817) – воспитанник Ж. Ромма, российский военный и государственный деятель; Андрей Никифорович Воронихин (1759–1814) – русский архитектор и живописец, представитель классицизма; Гаврила Романович Державин (1743–1816) – русский поэт, видный российский государственный деятель, первый олонекский губернатор; Петр Иванович Челищев (1745–1811) – русский просветитель, писатель, сподвижник А.Н. Радищева, и другие.

Обширный и глухой край получил связь со всей страной благодаря строительству Мурманской железной дороги. В ноябре 1916 года МЖД была принята в эксплуатацию, а вместе с ней – станция IV разряда Сеgezжа. Новая станция получает название в честь реки Сеgezжа, впадающей неподалеку в Выгозеро, и деревни Сеgezжа. Примечательно, что первыми фотографиями станции были С.М. Прокудин-Горский, ученый-химик, родоначальник русской цветной фотографии, педагог, изобретатель, и А.М. Азанчеев, русский инженер-изыскатель, один из организаторов и руководителей стройки МЖД, генерал-майор.

В 1926 году Сеgezжа – колонизационный поселок

при Мурманской железной дороге. Он по-прежнему входил в состав Петровско-Ямской волости Повенецкого уезда. Одним из шести сельсоветов волости был Сеgezжский, центр которого располагался на станции Сеgezжа.

Как самостоятельное административно-территориальное образование Сеgezжский район начал свою историю 29 августа 1927 года, когда ВЦИК РСФСР принял постановление «О районировании Карельской АССР». В состав Сеgezжского района были включены бывшая Петровско-Ямская волость, часть Надвоицкой волости, деревня Карасозеро Ругозерской волости. Сеgezжский район того времени состоял из Надвоицкого, Сеgezжского, Койкиницкого, Выгозерского и Воjмосалмского сельсоветов. Административным центром района была определена станция Сеgezжа. За два года недолгого существования района центрами его попеременно в этот период были Воjмосалма и деревня Надвоицы.

В 1929 году Сеgezжский район было предложено упразднить и его территорию «раздать» соседним районам. Станция Сеgezжа была включена в состав Медвежьегорского района. Бывший район снова стал сельским советом с центром на этот раз сначала на станции Майгуба.

Вновь важность земель вокруг Выгозера обозначилась в 30-х годах XX века, когда по территории бывшего Выговского погоста прошла трасса Беломорско-Балтийского канала. 4-е Надвоицкое отделение Белбалтлага было одним из самых крупных и

Сегежа.
Наши дни

насчитывало 17 лагпунктов, в том числе в Сегеже. Общая численность заключенных Надвоицкого отделения составляла около 20 тысяч человек. Река Нижний Выг стала звеном Беломорско-Балтийского канала. Канал поднял уровень Выгозера, и 42 деревни (тогда Медвежьегорского района), имеющие 700 хозяйств с общим числом построек более 2 тысяч, перестали существовать.

Историко-культурный комплекс «Беломорско-Балтийский канал» в Сегежском районе включает в себя систему гидротехнических сооружений (шлюзов № 10 и 11, плотину № 21 и знаменитую Шаваньскую водосливную деревянную плотину), здание управления НКВД, жилые и производственные здания «эксплуатационного штата», памятные места подневольного труда и места захоронения погибших заключенных.

В ноябре 1935 года Совнарком СССР принял постановление об образовании в составе Беломорско-Балтийского комбината (ББК) Управления строительства сегежского лесобумхимкомбината – Сегежстрой. Комбинат должен был стать крупнейшим производителем мешочной бумаги для развивающейся советской индустрии.

Поздней осенью 1936 года началась закладка основных цехов будущего комбината и главной улицы будущего соцгорода.

В июне 1938 г. для «эксплуатационных кадров» лесобумхимкомбината был образован рабочий поселок Сегежа. План поселка (соцгородом его называли авансом), как и план будущего лесобумхимком-

бината, разрабатывали архитекторы – заключенные в одном из ленинградских архитектурных бюро. Центральная часть соцгорода выдержана в едином архитектурном стиле, типичном для соцгородов середины 30-х гг. XX века.

Планировка и основные здания исторической части города почти в неизменном виде сохранились до настоящего времени. В наши дни архитектурная среда соцгорода уже представляет историко-архитектурную ценность.

Сегежский ИТЛ (Сегежлаг) был официально организован 21.10.1939, закрыт 28.06.1941. Всего на строительстве комбината и соцгорода за все годы существования лагеря работало около восьми тысяч заключенных, в том числе полторы тысячи женщин – «членов семей изменников Родины».

Одна из них – Нина Валентиновна Всесвятская (1907–1974), учительница, мать советского и российского поэта, композитора, драматурга, барда Юлия Кима. В Сегежлаге в 1939–1940 гг., лишенная мужа, разлученная с родными и близкими, за тысячи верст от маленьких еще детей, она написала книжку стихов «От далекой мамы». Репринтное издание стихов было подарено Юлием Кимом сегежскому музею.

К моменту образования в 1938 году рабочего поселка Сегежа центр Сегежского сельсовета располагался в Новой Сегеже. (Поселок Новая Сегежа появился в год ввода Беломорско-Балтийского канала. Бараки и дома, построенные для рабочих лесозавода, перенесенного из Майгубы

в Сегежу, положили начало поселку.) Недолго просуществовав там, был в очередной раз переведен, теперь уже на станцию Уросозеро. Тогда же сельсовет потерял «сегежское» наименование и стал Уросозерским. В 1939 г. он снова переезжает, уже в район Старой Сегежи.

В годы Великой Отечественной войны прифронтовая Сегежа сражалась и работала на Победу. Зимой 1941 года линия фронта проходила примерно в 70 км от рабочего поселка и оставалась почти неизменной до лета 1944 года.

Оборудование Сегежского комбината было демонтировано и эвакуировано вместе с частью жителей на Урал, в г. Тавда Свердловской области. Ремонтно-механический завод комбината стал военным заводом № 103. Основная продукция завода: минометы, минометы-лопаты, мины, автоматы. Здесь же производился и ремонт военной техники. Из оставшейся на складах крафт-бумаги для армии изготавливались влагонепроницаемые палатки, плащ-палатки, санитарные сумки, кобуры для наганов и пистолетов, производились целлюлозные оболочки для авиабомб.

Сегежа стала госпитальной базой 32-й армии Карельского фронта, здесь было размещено несколько стационарных и передвижных госпиталей.

В Сегеже располагалась одна из партизанских баз Карельского фронта, было сформировано несколько партизанских отрядов.

26 декабря 1943 г. Указом Президиума Верховного Совета Карело-Финской ССР рабочий поселок Сегежа Медвежьегорского района преобразован в город республиканского подчинения.

30 марта 1945 года на карте Карелии вновь появился Сегежский район.

До 1958 года проектирование Сегежи велось различными специализированными институтами одновременно с проектированием ЦБК. В период с 1958 по 1963–1964 гг. оно велось по отдельным заданиям и заказам. Ни комбинат, ни город не предполагали будущего масштаба развития.

В апреле 1960 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О мерах по ликвидации отставания целлюлозно-бумажной промышленности». В числе важных предприятий страны, подлежащих коренной реконструкции с дальнейшим наращиванием производственных мощностей, был назван Сегежский ЦБК.

В 1960 году Сегежа была объявлена Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. В сентябре того же года на стройку прибыл первый отряд демобилизованных пограничников, затем молодежь из Владимирской области. Большую Сегежу строила вся страна: реконструировался и расширился гигант-

комбинат, на болотистых торфяниках вставляли улицы Владимирская, Карельская, Маяковского, новая улица Ленина, были построены кинотеатр «Победа», первый городской универмаг на ул. Мира.

В 1964 году наметились новые перспективы развития, и в конце 1960-х уже по новому Генеральному плану строительства, разработанному в проектно-институте «Карелгражданпроект» (г. Петрозаводск), город шагнул на запад – за Октябрьскую железную дорогу, были заложены микрорайон № 1 (Северный) и главная магистраль нового района, продолжение улицы Советской – бульвар Советов.

Для многих молодых строителей из Ростовской, Владимирской, Ульяновской, Ярославской, Псковской областей, Татарии, Мордовии, Армении, Молдавии, Карелии, Чечено-Ингушетии Сегежа стала родным домом, родиной их детей.

В 1970–1980-е гг. продолжается осуществление плана развития города, застраивается Западный жилой район.

Проект очередного современного генерального плана Сегежского городского поселения предполагает дальнейшее развитие города до 2030 года. По новому плану город шагнет за старые границы, что создаст привлекательные условия для жилищного строительства и объектов инфраструктуры.

Музейный центр Сегежи – место сохранения исторической памяти, культурного наследия своего родного, неповторимого края. Девиз сотрудников – «Новый взгляд на привычный мир!» Музей стремится помочь по-новому взглянуть, оценить, полюбить малую родину.

В марте 2010 года Музейный центр отметил 30-летие своего создания. За 30 лет работы музей собрал, сохранил и представил немало вещественных свидетельств и документов истории Выгозерского края. Фонд Музейного центра вошел в состав единого Музейного фонда Российской Федерации. Музей, созданный с помощью энтузиастов, живет и работает для людей, и только совместными усилиями музея и жителей города, района осуществляется его основное предназначение – сохранение культурно-исторического наследия нашего края. Стремление Музейного центра – сохранить историческую память, заставить историю жить и неустанно напоминать нам о том, что каждый наш день тоже уходит в историю. И, наверное, очень важно, чем история вспомнит нас.

Галина ЗМЕЕВА,
директор МБУ «Музейный центр г. Сегежи»

Светлана Николаевна Бобылева. Её уже нет с нами, но в наших сердцах она навсегда – живая, одухотворенная, красивая, со светлой и радимой душой. В ней уживались первоклассный геолог, открывший редкий минерал хизлевудит, невероятно талантливый журналист и мастер слова, исследователь, краевед, истинный ценитель и почитатель не только красот, но и истории карельского края.

Светлана Николаевна родом из Башкирии. После окончания геолого-географического факультета Томского университета приехала в Карелию. Большую часть своей трудовой жизни отдала Валдайскому району (региону), богатому полезными ископаемыми. Полевая жизнь её никогда не тяготила, в лесу она чувствовала себя порой лучше, чем дома. Говорила, что лес дает силу и побуждает к творческой работе. Она всё замечала, пропускала через сердце, наверное, потому так пронзительно свежи, искренни и глубоко по содержанию ее этюды. И не было разницы в том, о чем писала: о проблемах маленьких деревень или о тяжелых и малоизвестных исторических событиях, о своих земляках или об удивительном явлении цветения сосны.

Этюды и очерки Светланы Николаевны регулярно печатались в районной газете «Доверие», почти десять лет назад были опубликованы и в журнале «Север».

Книга, отрывки из которой мы вам предлагаем, – единственный сборник произведений Светланы Бобылевой. К сожалению, она так и не увидела свои работы собранными воедино.

Материалы автора под одну обложку собрали сотрудники Сегежской центральной районной библиотеки Лидия Синявина и Оксана Расчетнова. Они назвали книгу «Мозаика этюдов». Может быть, сама Светлана назвала бы её по-другому. Как знать. Но представляется, что из описаний озер и лугов, леса и птиц, ягод и папоротников действительно сложился великолепный узор карельской природы.

Библиотекари в своей работе были не одиноки. За помощь и содействие они благодарят Тамару Митрофановну Омеляненко, редактора газеты «Доверие», которая хорошо была знакома со Светланой Николаевной лично, а также выражают признательность за предоставленные материалы семье С.Н. Бобылевой.

Светлана Бобылева

Время желтых цветов

...Весна на севере бурная. Только что появилась из-под снега земля в жухлой траве, через день-два она уже изумрудная, новая, молодая. И после зимнего мрака пошло отражаться в ней золотое солнечное тепло – в цветах: первыми раскрылись большие желтые калужницы, еще талая вода вся не ушла; через пару дней зажглись купальницы – их бледно-зеленые бутоны стали ярко-желтыми пышными цветами, следом загорелись огоньки одуванчиков, чуть позже – желтые искорки лютиков, с каждым днем их все больше, и вот весь луг стал желтым, солнечным. Лютики – это уже переход весны в пролетье.

А когда в желтых полях появляются синие крапинки – это пришло лето, раскрыла синие глаза вероника. Вот она набрала силу – на лугу пошли разливаться синие озера и ламбушки, расстилаться синие полотна – так много ее оказалось. К синей веронике прибавились белые поляны кружевных купырей, потом зацвела розовая гвоздика-травянка – понеслось разноцветное лето... Синюю веронику сменили голубые колокольчики – уже не озера и ламбушки, а только ручейки и лужицы...

Время желтых цветов – весна и пролетье. Летом, когда солнце высоко и заливают землю горячим расплавом, – другие краски. В жаркое лето

они бывают необычайно роскошными, но быстро блекнут... А «желтики» уходят – в будущее, в новую весну.

Двенадцать месяцев

Удивительная страна – Россия. Все двенадцать месяцев года в ней разные. В большинстве других стран нет таких контрастов, границы времен года размытые.

Много времени в нашем году занимает холод и скудные краски с преобладанием белой. Но даже зимние месяцы очень отличаются один от другого.

Из всех двенадцати самый мой любимый – февраль. Он золотой и нежный, в нем ясно просвечивает уже близкая весна, хоть сам он вполне зимний и часто бывает у нас очень холодным. Но предчувствие весны в феврале особенно сильно – столько света, первая капель, розовые утра – надежда, обещание, предвестие...

А самый нелюбимый – ноябрь. Месяц бесконечных обледенений, беспросветности – сплошное погружение во тьму.

В декабре день продолжает убывать, тьмы прибавляется, но знаешь, что скоро она остановится и пойдет вспять, вот только дожить до солнцеворота... Мне всегда казалось, что после этого рубежа жизнь пойдет легче, будто трудный подъем на высокую гору вот-вот сменится легкостью спуска.

В январе к зиме уже привыкаешь, уже радуешься скупому зимнему солнцу и белой свежести снега, а такое прозрачно-зеленое небо бывает только зимой, только в морозы...

В какой-нибудь Франции или Германии, даже на Украине март – это весна, а у нас – зима, хотя света в нем еще больше, чем в феврале, а иногда и вода просыпается, до ручейков дело доходит. Но еще много метелей и снегов приносит март, и такая, уже совсем светлая, зима перешагивает в апрель.

Два года последних дарили нам неожиданно теплые апрели, но мало кто этому радовался: «Рано затает – долго не растает». А природа словно не чуяла коварства: доверчиво зажигались зеленые огоньки листочков, набирала белые шарики бутонов черемуха... Опасения оправдывались: за теплым апрелем следовал такой холодный май, будто эти два месяца поменялись местами. Листья никак не могли до конца распуснуться, их зеленые огоньки задували метели, и казалось, тепло никогда не придет...

Июнь не зря называют пролетьем. Природа устала ждать тепла, как и человек, а дождавшись наконец, так бурно трогается в рост и расцвет, что за считанные дни наверстывает все «упущенное» не по своей вине.

Настоящее лето – это июль и август, и как же быстро они пролетают с сенокосами, зеленой листвой, грозами, дождями, ягодной страдой, их любят все, так же как и яркий сентябрь с уже угасающим теплом. А я люблю октябрь – второй мой любимый месяц после февраля. В октябре улетаю птицы, он весь пронизан этой прощальной музыкой перелета и пахнет вином тлеющих листьев. Стужа и свежесть все нарастают, а вот и «белые мухи»...

И снова – беспросветный ледяной провал ноября и трудный подъем на гору жизни к солнцевороту...

Заглянем в землю

Скучное слово – прополка. И дело скучное и грязное – вытаскивать из земли сорняки. Не берет их ни заморозок, от которого культурные растения скукоживаются, ни таракашки-букашки, начисто съедающие овощные посевы... А какая жизнестойкость! Вот колючий осот. Корни его разбегаются во все стороны кривыми мясистыми канатами, легко обрываются, чуть потянешь, а разберет азарт, начнешь раскапывать – и выкопал целую пулеметную ленту с острыми пулями – ростками. Это осенью. Весной эти пули «выстрелят», причем пробьют и кусок глины, которую не берет лопата, и щепку – все, что встретят на пути. А из любого забытого в земле обрывка корня тоже непременно вырастет новое колючее чудовище, из толстого – помощнее, из тоненького – похилее... Овсяница тростниковидная и душистый колосок хороши на покосе, в сене, но на огороде оба эти злака – злостные сорняки. Белые веревки их корней за лето убегают от основного растения на полтора-два метра.

Ничто с такой силой не вцепляется в землю, как крапива. Кто пробовал выдернуть ее с корнем, знает, какое мощное усилие для этого нужно. Желтые корни ее необычайно жилистые, к главным жилам добавляется целая кисть тонких корешков, и бегут они во все стороны, нащупывая землю побогаче, а поверху ползут еще и толстые «усы», как у клубники, то и дело укореняясь в самых плодородных участках и выбрасывая вверх

новые кусты. Если все же, поднатужившись, вы выдрали куст крапивы, оборвав при этом несколько толстых жил, будьте спокойны – очень скоро они дадут жизнь новым растениям...

А уж хвощи, бич кислых северных полуболотных почв! Если ваш огород представляет собой засыпанное песком болото, то от хвощей можно спастись, если слой песка будет больше метра, а если меньше – из болотной подстилки они рано или поздно пробьются. Другой хвощ, не менее вредный, полевой, так называемая «елочка». Обожают дерево – стоит сделать короб для грядки – и побежали его коричневые корни, похожие на медные провода, вдоль доски, за лето на два метра прирастают, да еще в стороны мощные отводки дают.

Тяпки ни осот, ни хвощ не боится. Перекопка и перерубание корней им тоже не страшны, только помогут размножиться. Лишь одно оружие в битве с ними действительно – «дурную траву с поля вон».

...Лютик с мощной кистью цепких белых корешков – тоже любитель «кисленького», особенно тот, что усами размножается. Живучесть его обеспечивается еще и множеством семенных головок, колючих «ежиков», быстро возникающих на смену желтым цветам. Каждая иголочка такого ежика даст новый лютик, и если зазеваться – они образуют сплошной ковер, заглушив и вытеснив морковку, редиску, укроп... Или мать-и-мачеха – корни у нее толстые, белые, сочные, их, кстати, любят кролики. Останется в земле кусок корня в полтора сантиметра весной – летом из него непременно новый куст вырастет, да еще во все стороны корни-разведчики отправятся, не успеешь оглянуться, как пол-огорода пронизжут...

Каждое из этих растений по-своему красиво и полезно, не хотелось бы их рассматривать как врагов, да жизнь заставляет. Без боя они не уступят «культурным» свет и питание. Прополка – это «битва за урожай».

Княженика

Лоза у этой ягоды не толще клубничной, только длинна в меру, покрыта шипиками да плавнo и легко изогнута.

Цветок крашен, как лепестки иван-чая, только нежнее. Растет она у дорог, и в лесах, и на мху – в самых сырых и мрачных местах может сверкнуть смелая нежность ее цветка. Всегда его хрупкая звездочка кажется неожиданной, даром каким-то

светлым, малым чудом лесным. Чувство это оттого, что живет цветок коротко, как зарница.

Главное же – сама ягода, видом ежевика, только алая, а вкусом и запахом не схожа ни с чем. Вроде не заморская, своей землей пахнет, да только самым чудесным этой земли, должно быть – детством.

Скромница она, на виду не зреет. Случится заглянуть в травяную чашу – и ослепит она тебя маленькой рубиновой радостью. Горит на гнутой лозинке теплою кровью сквозь тонкую кожицу, кажется, тронешь – живая.

Смотришь на эту горячую капельку – и вдруг радость шальная, мальчишеская с головой потопит, будто в детстве очнулся от сна и в утреннем солнце его доживаешь. Был ты во сне юным князем, владел огромной землей, а вся красота ее тебе открывалась, когда ты летел на белом коне по ветрам да по травам... Проснулся – и все еще летишь, и вольно тебе, и светло... Весь день потом хорошо.

Ягодники ее не тронут – редка она, хитра для сбора, и хотя лучше всех других ягод и видом, и духом, и вкусом – не дается, живая будто.

Для радости растет, детством пахнет.

Тающий звон

Долго стоит в эту весну лед на озере – холодно. В солнечный день слышно, как тает снег: тихий шепот такой, слабый шелест... Лед меняет цвет – вот остаются черные поля, черные льдины-островки. Подул ветер к берегу, нагнал этих льдин и полей полный залив, можно стало рассмотреть их близко, то перекристаллизованный лед-минерал, множество призм-кристаллов, сросшихся гранями в друзы. Гонимые ветром в разные стороны, поля-друзы распадаются на мелкие льдины, а те – на разрозненные кристаллы, и стеклянно позванивают. Когда их вытащишь из воды, они тоже распадаются, кристаллы льда прозрачные и чистые, как хрусталь, сверкают на солнце, звенят и тают... Лед легче воды, вот друзы и плавают островками, насыщенными водой, что и делает их черными. Я черпаю их ведром и пересыпаю в «холодильник».

Сегодня у меня «работа с драгоценностями» – весь день в хрустальном звоне и алмазном сиянии...

Царевна-морошка

Цветы у северных ягод обычно – либо крохотные фарфоровые кувшинчики (брусника, черника, голубика), либо невзрачные крестики (шикша-водяника, клюква), листики тоже мелкие – все говорит об экономичности, целесообразности: лето короткое, тепла мало.

Откуда же эта южная щедрость – огромный белый цветок, похожий на цветок яблони, роскошные резные листья, напоминающие виноградные?..

Как эстеты-театралы ждут гастролей любимого театра, так я всегда жду сезона морошки. Эстетическое наслаждение от этого ежегодного действа – восхождения ее под наше летнее небо – я получаю не меньшее.

...Вот еще листья скомканные, неразвернутые, и крепко сжат кулачок будущего цветка. В предстоящий урожайный год бутон опережает листья, будто рвется из земли к теплу и солнцу... И вот неведомые яблоневые сады уронили белую пену своего цветения в моховые поля наших болот... Следом опять – зажатые в кулачок завязи, и наконец морошка зажгла свои огоньки. Словно тысячи свечек горят на зеленом алтаре – гимн короткому лету...

Все скудное тепло и солнце северного лета аккумулирует ягода морошка. Созрела, раскрылась – золотые шарики, как лампочки, горят в изумрудных мхах, в рыжих багульниках – отдают этот накопленный свет и жар. Ярко-оранжевая, пронзительно-желтая – этими радостными, тропическими красками расшиты в июле-августе ковры северных болот.

...Зреет морошка в самую комариную пору, из матовой, твердой и красной становится мягкой, блестящей и огненной, и когда собираешь ее в солнечный день – она теплая, а в заготовках из нее всегда попадают комары. Сейчас, когда за окном метровые сугробы, метет и воеет, достанешь посудинку с морошкой – и улыбнешься: тонконогие кровопийцы замурованы среди ягод, как в янтаре...

А сок у морошки неожиданно розовый. В ведре, полном спелой ягоды, обязательно будет на дне стакан, а то и не один, густого розового сока – и разве сравнить его с тем, что мы пьем из ярких коробок, приплывших из-за морей-океанов? «Красители, загустители, консерванты» – сплошная химия, а этот розовый морошка достала корешками из земли, покрасила его летними зорями...

За морями ценят все подлинное – там устали от подделок, имитаций, подмен, – спрос на морошку высок, и год за годом выручает она нас, скрученных в бараний рог беспросветной нищетой, дает возможность хоть немного распрямыться. Только надо поклоняться ей хорошенько – заслужила это царевна-морошка...

Шаги по земле

С изумлением замечаю: люди разучились ходить пешком. Еще полвека назад запросто ходили из деревни в деревню – 20, 25, 30 километров, а сейчас каких-нибудь 5 пройти – страшно. Будут час, два ждать автобус, машину, когда за это время можно дважды одолеть этот путь.

Человечество обезноживает – для хождения пешком нужны здоровые ноги, тогда движение – в радость. А болезней ног все больше – почему же тогда их не было? Наверное, потому, что много ходили...

Земля живая, только когда идешь по ней пешком. Сидя в машине, ее видишь как компьютерную картинку, меняющуюся, летящую мимо.

А когда не мимо – все иначе. Весна, холодная белая ночь, над всеми речками и ручьями – белый туман, а ближе подойдешь – и голос услышишь: то грубый рев, то взволнованную песенку. С восходом солнца туман тает, и просыпаются запахи. Весенняя земля чудесно пахнет. Цветут все невзрачные кусты – ивы, березки, и благоухают на всю округу, чем солнце выше – тем сильнее. А машина и пахнет – машиной...

Северная линnea

...Вот так всегда: полжизни проведешь рядом с чудом, его не замечаешь. Оно маленькое, невзрачное, пока к нему не наклонишься, не приблизишь к глазам, не коснешься душой.

Северная линnea, «подколотная трава». Красноватая нить, усеянная крохотными, почти круглыми листочками – из-за них еще одно имя у травки – «копеечка»; «ползиха» – ползет по земле, будто пришита к ней частыми стежками-корешками. Она любит еловые леса и смешанные, где есть елки. Любит расти под их корнями, поваленными лесинами, вскарабкиваясь на них – потому и «подколотная». Карабкается она и на пни, на камни, выбегает из леса на тропинки длинные

ми «усами». Остается на вырубках... Когда ее рассмотришь хорошенько, обнаружится, что она очень красива: листочки толстенькие, глянцевиные, с одним-тремя зубчиками, на солнце блестят, как лакированные. Трудно заметить линнею не только потому, что она маленькая, но и потому, что растет среди черники, брусники, других трав и кустарничков, она и сама – маленький кустарничек. Легко узнать ее во время цветения – примерно с 10 июня по 10 июля. Цветы линнеи – парные колокольчики на тоненьких, как волосок, цветоносах, удивительно нежные, белые с лиловатыми жилками и темно-розовым, рдеющим донцем, с неожиданно сильным незабываемым запахом, ни на что не похожим и очень приятным. Юрий Линник назвал их «колпачками сказочных эльфов».

Те, кто собирал чернику и бруснику грабилкой, не раз и не два ругали эту травку за то, что мешает брать ягоду, нанизываясь на зубья комбайна прочными, как суровые нитки, ползучими стебельками.

Северная линнея растет не только в Карелии, встретить ее можно по всему Европейскому Северу: и в Республике Коми, и в Архангельской области, а также в Швеции, Норвегии, Финляндии.

«Линнея бореалис» (это ее официальное ботаническое название) – трава целебная. Вот перечень народных названий, дающий представление о спектре болезней, ей подвластных: «брюшница», «урочная трава», «поясничная трава», «лесной чай». Названа она в честь знаменитого шведского натуралиста К. Линнея, для которого настой этого растения был единственным лекарством, помогавшим ему при головной боли – мигрени.

Известно более 40 лечебных эффектов линнеи, в их числе – обезболивающий, отхаркивающий, жаропонижающий, мочегонный, кровоочистительный; помогает при болезнях суставов (полиартриты и т. д.), мужском половом бессилии, женском бесплодии... Очень обнадеживающие результаты показало изучение травы при раковых заболеваниях и даже болезнях крови. Правда, в этих случаях пить ее нужно долго, как говорят, «столько, сколько корове на зиму нужно». Лекарственным действием обладает все растение: стебли, листья, цветки. Собирать линнею лучше всего во время цветения, сушить в тени, хранить в бумажной или матерчатой таре. Самый простой рецепт – столовую ложку измельченной травы залить кипятком в маленьком термосе (на стакан

воды) с вечера, на следующий день выпить в 3 – 4 приема перед едой. Вечером снова запарить в термосе – и так 30 дней. При необходимости курс повторить после 10-дневного перерыва.

Пейте «лесной чай» – и медикам будет меньше работы. В нашем северном лесу есть бесплатное лекарство, способное помочь и при простуде, и при радикулите, и даже рак вылечить можно, если набраться терпения. Только не забывайте: порог лесной аптеки надо переступить с чистым сердцем, с радостью и любовью ко всему, что растет на земле, – тогда травка отдаст вам свою силу.

Сокровище

Что такое сокровище? Престижная квартира? Автомобиль-иномарка? Миллион рублей? Тысяча долларов? Золотое кольцо с бриллиантом? Вилла на Канарских островах?..

Сокровище – это топографическая карта. «Лито Земли». В него можно всматриваться бесконечно, читать, как увлекательнейшую повесть.

В последнее время человечество дает заметный крен к виртуальным (нереальным) мирам. Может быть, потому, что действительность стала малопривлекательной, а может, и потому, что люди разучились радоваться реальной жизни, перестали видеть, что она полна чудес, вопреки всем социальным передрагам, но нынешнего человека повсюду сопровождает виртуальный фон: в доме не выключается телевизор, на эстраде выступления актеров сопровождаются всякими подсветками и подтанцовками, из любой проезжающей по дороге машины всегда несется «музыка» – ритмично-шумовой фон. Утрачивается вкус к силе и прелести подлинного, всамделишного... Совсем как в сказке Андерсена, где принцессе один из женихов принес розу, она потрогала ее, спросила: «Настоящая?» И, получив утвердительный ответ, сделала недовольную гримасу: «Фи, настоящая...» Тем дороже для меня в моем сокровище его подлинность. Хотя карта – это уменьшенная копия вроде фотографии, я точно знаю, что все, на ней изображенное, существует.

Когда на душе плохо, достаю и разглядываю, и «плохо» быстро уходит, рассеивается, как туман под солнцем.

«Тишина ламбушка». Жил на свете человек, звавшийся Тиша, и так подружился он с этой ламбушкой, что она унаследовала его имя, и вот дав-

но нет Тиши, а ламбушка с его именем осталась на Лице Земли.

«Бекешинская просека». Просек на карте много, она разграфлена ими на строгие квадраты, но у этой – собственное имя, и что-то, мне неведомое, с ним связано...

Ручьи Березовый, Лещевый, Покосный, Еловый, озера Щучье, Окуневое – тут загадок нет, все ясно. Великое множество на карте Карелии Черных речек и Светлых озер... А эти крошечные черные квадратики с лаконичными надписями: «изб.», «рыб. изб.», «охотн. изб.»... Каждая из них кем-то построена в лесу, и был момент, когда этот «кто-то» пришел сюда впервые и принял решение – поставить «жилушку». Такие избушечки строятся с вдохновением и удовольствием, с каким, вероятно, первобытный человек соорудил первое жилье, устав спать на деревьях, из минимума стройматериалов, предназначены для отдыха после трудных лесных и рыбачьих дел и защиты от непогоды; в них обязательно есть стол, нары, печка, необязательно – оконце и чайник. Предельно просто, как всякая необходимость. Есть, конечно, поэтические души, которые стараются и такое жилище украсить – на одном островке наружные стены «рыб. изб.» были украшены любовно вырезанными из дерева рыбками. Некоторые жилушки с таким вниманием обихожены, даже микроогородик рядом, и тогда понятно, что хозяин, скорее всего, Рак по гороскопу, это самый домовитый знак в зодиаке, он ни за что не станет жить как попало, организует и создает из ничего максимум удобств в самом неудобном месте...

Острова на Выгозере: Васькин, Большой Сенькин... Тоже кто-то оставил свои имена. А вот и след ГУЛАГа: остров Перековка, остров Изолятор. Болота: Косой Мох, Черный Мох, Гусиные болота, Рикшамох... Имена имеют болота огромные, бескрайние, как море – в одном из таких моя собака не выдержала его безжизненности и бесконечности, остановилась и завывала. Тоска охватывает душу живую в подобных болотах, а маленькие веселые болотца с морошкой и клюквой, с островками и деревцами обычно безымянные. Озеро Самсонова, озеро Попова – жизнь этих людей была накрепко связана с озерами, у каждого – со своим.

Много знакомых дорог и тропинок, озер и речек, болот и горюшек у меня на Лице Земли, а еще больше – незнакомых. И пока я жива и здорова, всегда есть возможность узнать их поближе – это и есть сокровище.

А шикарная квартира – всего лишь каменный скворечник. Иномарка – красивая консервная банка. Деньги – вода, уходящая в песок. Золото и бриллианты – металл и камни, блестящие холодно и бездушно. А Канарские острова со всеми их прелестями – чужбина...

Население брошенных деревень

Угораздило меня в пути попасть под дождь. ... Думала – час, полтора польет и кончится, а нет – и три, и четыре проходит, на мне уже сухой нитки нет, а дождю – конца... Дело к ночи, а мне пути еще километров десять.

Принимаю решение: добираться до деревни. Она хоть и в стороне от моего маршрута, но там покосы, должна быть и крыша. После пятичасового пути под проливным дождем любой навес представляется манной небесной.

...Крыша была, была даже печка в избе – просто счастье для измокшего путника. Две жилые комнаты – в одной окна застеклены, в другой затянуты полиэтиленом, который разорвали зимние ветра, – в этой комнате гулял теперь летний сырой ветер, попадал в окна и дождь. Я закрыла дверь в эту комнату, натопила печку, подсушилась и улеглась спать под монотонную дробь так и не прекратившегося дождя.

Проснувшись утром от неистового чириканья птиц. Дождь продолжался, но птички всю работу: кормили птенцов. В комнате, дверь в которую я затворила, оказалось гнездо ласточки-касапки, и она деловито летала через окна к нему, всякий раз сопровождая кормежку характерной звонкой трелью.

...Под крышей дома было множество других гнезд ласточек и трясогузок, и все они, несмотря на дождь, то и дело подлетали к своим деткам с добычей, распевая при этом радостно и громко.

Деревня утопала в высоких травах, и все уцелевшие дома были густо населены птицами.

Должно быть, ласточки и трясогузки поселились в этой деревне еще при людях, и каждый год весной находят ее «на лице земли», возвращаясь из жарких стран. Лет тридцать назад она обезлюдела, но птицам это не горе: им не столько люди нужны, сколько их постройки. Правда, последние с каждым годом ветшают и рассыпаются, но пока что-то еще держится. Люди, которые придут сюда через месяц, в июле, косить траву, такой бурной деятельности птичьего населения уже не зас-

танут: многие гнезда к тому времени опустеют, птенцы вырастут.

А сейчас, в июне, во всех таких полустертых с лица земли деревеньках кипит птичья жизнь в унисон с цветущей жизнью высоких трав.

Печка

Прошлую зиму я жила с разваленной печкой: пролетел над домом вертолет, и рассыпалось внутри колено. Обращение к начальству результата не дало: «Нет печника». Дело было к весне, решила – перебуюсь.

Прошло лето, осенью прибыл печник, переделал печку, и если без колена она горела «как зверь», то теперь стала еле коптить. Ну, думаю, колено же, не на выхлоп. Однако с каждым днем все хуже, дымит, в комнате сажа, дальше – больше, и через полмесяца после ремонта от дыма уже деваться некуда стало.

...В тот день утром кое-как протопила, выгоняя полотенцем дым в открытую дверь, а вечером уже ничего не вышло.

Днем – очередной поход к начальству с дежурным результатом: «Печника нет, что делать, не знаю». А на дворе зима, в доме мороз, я отработала день, усталая, голодная... Снова пробую затопить – дым вместо тепла...

Хоть криком кричи от безысходности!

...Так часто бывает у моих небесных братьев и сестер – Скорпионов: в самое неподходящее время (а может, как раз в самое подходящее?), посреди холода, голода, в дыму и безнадее вдруг из всей этой нежиги пробивается родничок исследовательской страсти: а ну-ка задвину заслонку. Так и есть, поток дыма не изменился, значит, он в трубу не попадает! Вновь открыла – и на улицу: над дымоходом хилая струйка, стало быть, через щели какие-то сочится, выхода наверх дыму нет. «Не знаю, что делать», – вспомнила слова начальника. А я, кажется, знаю! Надо перешагнуть через свою беспомощность и – действовать. Как говорится, не боги горшки обжигают.

Принесла свой геологический молоток, голову повязала, рукава засучила и раскурочила печку прямо под заслонкой. Обнажила оба колена: так и есть, одно горячее и так заросло сажей, что просвета почти нет, а второе холодное и чистое – дым в него не попадал.

Сполоснула руки от сажи, взяла карандаш и села ходы печные чертить. Десять минут вникала в

печную геометрию. И диву далась: печник обрушенное колено восстановил, но довел его зачем-то доверху и с соседним не сообщил. Начертила как надо, чтобы дым выходил и печь грелась – два лишних кирпича оказалось. Снова за молоток, кирпичи вон, проверила тягу и закрыла прореху – порядок.

Проблему решала – головой и руками – два с половиной часа. Неразрешимейшую! И все-таки справилась с ней.

...Натопила, отмылась – можно и спать, но радость мешает, поднимает на крыльях – радость преодоления, радость познания.

Хотелось кричать: «Виктория!» – как Петр Великий, когда разбил шведов: хотелось разбудить начальника и заявить ему: «Я теперь сама печник! Могу и вам крематорий сложить, не то что печь исправить!»

«Виктория» – это победа. Она возносит тебя на крыльях радости над самыми беспросветными обстоятельствами...

Свет

Я люблю свет, все светлое, это не в «розовом свете» – вижу и тени, и грязь, все как есть, но свет – люблю, ишу его всюду, и если в темноте что-то светится, не поленюсь этот свет усилить, не пожалею своего – пусть в мире светлей.

Свет в людском мраке я просто ЧУЮ, потому что на светлое настроено мое сердце.

Если люди хотят меня сделать злой, смеюсь над ними – когда смеешься, всегда оказываешься НАД.

А серьезно мне бывает, когда я смотрю над собой. Там звезды. У них можно поучиться светиться. Под ними проходит жизнь моя: свеча, молитва, шепот огня в печке... И все, что я могу сказать людям – тем, которые рядом, и всем на свете, которые умеют слушать и будут, когда не будет меня.

...А сейчас меня очень много, сейчас я есть, рисую, думаю, смеюсь, работаю – СВЕТЛО.

**Любовь
ПОМОРЦЕВА**
*пос. Надвоицы,
Республика Карелия*

Любовь Леонидовна ПОМОРЦЕВА
*окончила историко-филологический факультет
Петрозаводского государственного университета.
Живет в пос. Надвоицы Сегежского района.
Учитель истории Надвоицкой средней школы № 1.
Краевед, знаток истории Выгозерья.
Публиковалась в районных
и республиканских газетах.
В журнале «Север» публикуется впервые.*

* * *

«Свою ты судьбу расплети...»

ВРЕМЯ

Двадцать первого века десять лет улетели,
Все чему-то учились у дождей и метелей.
В календарный листок, небольшого формата,
Умещаются годы, в них мы жили когда-то.

Быстротечное время, расплывается, длится.
Нашей жизни виток мог бы в нем не случиться.
Чей-то слабый росток солнце нежно осветит,
В тень других зазывает, в беспамятства сети.

Время, стрелкой часов к нам на миг прикасаясь,
Тронет маятник робко... И, тихо вращаясь,
На своих циферблатах мы тикали, пели,
Раз за разом трезвонили, просто скрипели.

Заржавел механизм, проплывая в реке перемен,
Распадается время, никто не предложит взамен
Новой жизни... Свою ты судьбу расплети
И пылинкой свободной по этому миру лети.

Снега раздувы метельно змеились под ветром,
Мельница ветра молола снежинки о наст...
Пела метель мне о чем-то забытом заветном,
Может, что снежной крупы всем бездомным подаст?

Звездной золою снег сыпался, сыпался с неба,
Путнику в холоде снился костер золотой.
Вьюга стелила постель из пушистого снега,
Ленты вплетая в бесцветные косы Зиме молодой.

Ночью все стихнет, морозцем взбодрится природа,
Утро тишайшее встанет по пояс в снегу.
Месяц Декабрь ведь недаром не женского рода,
Первый Зимы соблазнитель, всегда начеку...

